

«ЯМА С ЗУБАМИ»

С чего лучше начать? Я хотел написать историю, только это не история. А предупреждение.

В прошлом году я продал один рассказ для публикации на иностранном языке. Не знаю, почему выбрали именно меня и на основании чего редакция создавала сборник. Но я получил электронное письмо с вопросом, есть ли у меня рассказ, не опубликованный на иностранном языке, и если есть, не хотел бы я продать её для публикации в антологии при поддержке ЕС. Я сразу оживился. В то время я как раз думал бросить писать, потому что всё это, казалось, не имело никаких перспектив — только бесконечная борьба со словами и пустая трата времени. С годами начинает казаться, что времени остаётся всё меньше и меньше. И подобные мелочи, небольшие успехи, дорогого стоят, помогают не бросить карьеру, если вообще можно назвать карьерой то болото, в котором мы живём.

Электронное письмо отправили с какого-то общего адреса: инфо собака что-то там, отправила его редактор Хекла Карлсдоттир, судя по

Аттила Вереш. ВОССТАНАВЛИВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

имени, она была из Исландии. Я порылся в соц-сетях, искал в интернете, но никакой информации о ней не нашёл. А сейчас я вообще думаю, что Хеклы Карлсдоттир никогда не существовало. Мы общались на английском. Хекла просила такой рассказ, который не был опубликован даже на венгерском. Я старался придать своим письмам дружелюбный тон, кто знает, может, в будущем этот контакт ещё пригодится, и в каждом письме старался то прямо, то косвенно спросить, почему они написали именно мне и планируется ли в сборнике участие других венгерских писателей, или я один буду представлять свою страну. Все эти вопросы Хекла оставляла без ответа, как будто я их и не задавал.

Меня это мало волновало, зато будоражила возможность публикации за рубежом, я тут же смогу запостить это у себя на странице, соберу лайки, а если повезёт, один-два таких лайка обернутся в покупку книги. К началу года деньги не помешали бы, так как я хотел переехать в квартиру побольше. В той, где я жил, ванная уже пришла в негодность, не работала плита, а арендатор даже палец о палец не хотел ударить. В Венгрии же всё можно решить деньгами, да только откуда у писателя деньги? Ответ очевиден: вместо того, чтобы писать, пускай нормальную работу найдет, а если уж очень хочется писать, этим можно спокойно заниматься утром с четырех до шести и вечером с десяти до полуночи.

«ЯМА С ЗУБАМИ»

Тогда уж проще не писать. На деле же я придумал компромиссное решение — учредить академию писателей. Этих академий и так уже больше, чем самих писателей, так что одной больше, одной меньше, какая разница. Писать, кстати, нормально никто не умеет, и я не исключение, может, хоть преподавание лучше пойдёт. С тех пор, как пару лет назад мы получили премию Петера Жолдоша, я, Шепи и Ботонд договорились её обменять, а на вырученные деньги основать Академию писателей-фантастов — что может быть лучше? Можно назначить цену, допустим, двести тысяч форинтов с человека за полугодовой курс, и столько же за несколько недель индивидуальных занятий. Уроки, естественно, будем проводить по Зуму, чтобы не тратиться на аренду помещения. И тут иностранная публикация была бы очень кстати — она бы укрепила доверие к нашему бренду.

Так что, конечно, я бы согласился, даже если бы моё произведение захотели презентовать на стене камеры в какой-нибудь тюрьме. По просьбе Хеклы я кратко изложил действие нескольких своих рассказов. Так она получила рассказ «Отец-сын» — это история об отце и сыне, которые после похорон матери/жены едят лангош¹; изначально я написал рассказ, так как хотел попасть в какой-нибудь журнал, печатающий

¹ Венгерская лепешка, самая популярная начинка — сыр и сметана. Венгерская лепешка, самая популярная начинка — сыр и сметана.

художественную литературу, но под конец уже не смог остановиться, в итоге мертвая мать (скорее всего) восстает из могилы. В общем, шанс стать автором худлита я потерял, но для простого хоррора было в этом рассказе слишком много душеизлияний с привкусом венгерскости, сыра и сметаны, а также лишенных ритма одно- и двухсловных предложений, которые кипят глубоко спрятанными и невысказанными чувствами. Далее в список попал рассказ «Воображаемое пламя» — по сути, запутанная экоапокалиптическая фантазия о семье, которая отправляется на прогулку в охваченный пламенем лес. Рассказ написан в стихах, но так как стихов я писать не умею, эта попытка тоже не удалась. Для перевода, это, конечно, неважно, а по-венгерски печатать её я уже не планировал. Был у меня ещё один рассказ — «Поездка шестого бэ класса в лабиринт Минотавра», название невероятно точно передает суть сюжета. В конце все умирают.

Однако Хекла выбрала последний рассказ. «Из праха». Так он назывался.

Остальные я направил ей чисто для проформы, так как знал, что это единственный по-настоящему интересный рассказ, оставшийся неопубликованным. Я им гордился, хотя переживал, что его синопсис может не зацепить. К счастью, зацепил. Хекла выбрала его (и я направил ей текст на венгерском в формате Word), затем отписалась, что передаст всё редактору

сборника, так как не владеет языком, на который будет осуществляться перевод. И только тогда я узнал, что рассказ будет опубликован не на английском или исландском языке, оказалось, сборник выпускают в рамках программы по сохранению языков. Так они хотят сохранить письменность практически мёртвого языка какого-то племени, оставить его хотя бы в исторической памяти. Что это был за язык и о каком племени шла речь — на это Хекла не дала ответа, а письмо, в котором она пожелала мне дальнейших успехов, упомянув, что попробует издать «Воображаемое пламя» в Швеции, было последним, которое я от нее получил.

Естественно, я растрезвонил об этом Шепи и Ботонду, те радостно приняли эту новость. А то я уж боялся, что они подумывают вышвырнуть меня из Академии писателей-фантастов, потому что я не представляю достаточного интереса для потенциальных учеников. Ботонд, например, может проводить занятия о будущем и фантастическом, Шепи может обучать письму, потому что, надо признать, он единственный из нашей команды, кто умеет писать. А чему могу научить я? И что я могу написать? Я уже был готов предложить им сократить мою долю, лишь бы не выгоняли, потому что раз уж я даже научить писательству не могу, тогда прямая дорога мне в супермаркет товары по полкам раскладывать. Кажется, услышав новость о продаже рассказа, Шепи и Ботонд подуспокоились, ведь

Аттила Вереш. ВОССТАНАВЛИВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

теперь обо мне можно заявить как об авторе с зарубежной публикацией, который может преподавать, скажем, международные отношения или похожую чепуху. Учебный план мы пока не разрабатывали, начали с планирования способов оплаты и определения организационно-правовой формы, при которой будем платить меньше налогов. Программу можно своровать из зарубежных самоучителей по писательской технике, которые можно бесплатно скачать на русских сайтах.

После этого со мной связался редактор и переводчик сборника. Он писал на венгерском, хотя я бы больше обрадовался переписке на английском, потому что было очевидно: редактор венгерского не знает. Либо у него были чудовищные пробелы в знаниях, либо он пользовался Гугл-переводчиком, вбивая, к тому же, сообщения не на родном языке. Так что мне пришлось продирааться сквозь смыслы коротких, всего на одну-две строчки, сообщений, от которых веяло враждебностью, а от каждого словосочетания у меня, как у носителя языка, просто шла кровь из глаз. Я пытался понять, чего же от меня ждут: пояснений к тексту на английском или венгерском, комментариев к типичным венгерским оборотам или культурному контексту? К истории? Что-то обо мне? После того, как я не получил ответа на эти вопросы, точнее сказать, вообще никакого ответа не получил, я начал задавать конкретные вопросы по выставлению счетов и

«ЯМА С ЗУБАМИ»

оплате. Я прекрасно понимал, что могу рассчитывать на гонорар в двести евро, но всё же хотел уточнить условия публикации, ну и конечно, получить договор, хотя я всё меньше верил, что с таким языковым барьером нам удастся его составить. На всякий случай я дал свой адрес и реквизиты для оплаты и попросил поскорее заключить хоть какой-то договор. При этом появилось чувство, что меня хотят обмануть, так обычно и происходит, когда ты мысленно уже пережил триумф. Разве со мной может произойти что-то хорошее? Особенно учитывая, что изъясняться с этим таинственным редактором у меня получалось всё хуже и хуже, а, в конце концов, он просто перестал отвечать на мои письма.

Я бы окончательно потерял надежду опубликовать рассказ, если бы не обнаружил в почтовом ящике конверт. Удивительно, что почтальон его туда положил, потому что наш почтальон никогда ничего не доставляет по адресу, он просто вытряхивает всё из сумки на ящики: вероятно, он просто не умеет читать; потом жильцы сами разбирают, кому что пришло. Но это письмо он предусмотрительно закинул в ящик, на котором едва виднелось моё имя; как будто даже краски чувствовали свою беспомощность перед этой почтовой волокитой. Судя по маркам, посылка пришла из-за границы, как позже выяснилось, из Швеции. На конверте не было указано ни имени, ни адреса отправителя, только мои данные. Я подозревал, что это очередное

стояние Крестного пути, прежде чем мой рассказ выйдет за границу. Я тешил себя надеждой, что письмо окажется договором, правда, когда я сел за кухонный стол и вскрыл конверт, оказалось, что это не договор, а двести евро наличными — грязные, мятые купюры по десять-двадцать евро. И один человеческий зуб.

Сначала я принялся за деньги. Трижды их пересчитал, хотел убедиться, что там двести евро, затем сложил их в пакетик. Они неприятно липли к пальцам. Позже я бережно промыл купюры под струей воды, чтобы очистить и придать им товарный вид. И только после этого вытряхнул из конверта зуб, который местами был покрыт давно запекшейся кровью. Понятия не имею, разрешена ли отправка зубов почтой. Однако всегда найдётся кто-то, кому хотелось бы избавиться от зуба, стоматологи день за днём соревнуются друг с другом, а что они потом делают с вырванными зубами? По сути, если зубы не хотят сидеть в десне крепко и надёжно, то это просто ненужный хлам.

Непонятно только, почему вместе с деньгами я получил какой-то хлам. Мне было совершенно ясно, что конверт прислала редакция антологии и что в нём содержался мой гонорар, хотя издательства редко платят, не заключив договор. Часто и с договором-то не платят. Я отправил редактору сообщение, приложив фотографию зуба. Писать старался в шутливом тоне. «У вас там случайно никто зуб не потерял?» — спросил

я в письме. Ответ пришёл с Mailer-Deamon: адрес получателя не найден.

Не могу сказать, что меня это обеспокоило, скорее разозлило. Издательство за это время успело закрыться и поудалять свои аккаунты? Или просто редактор поменял адрес почты, а старый удалил, никому об этом не сообщив? Меня всё больше начала тяготить публикация, точнее вся эта волокита, связанная с обещанием опубликовать рассказ, хотя по сути от меня ничего не требовалось. И всё же, что это за деньги в конверте? Как мне с этого уплачивать налог? Как рассчитаться без договора? Или вообще лучше сдать властям как найденные? Я знал, что их надо срочно потратить, потому что тогда никаких других доказательств существования письма, кроме этого зуба, не останется. А зуб я предусмотрительно спрятал в спичечный коробок, сам не знаю зачем. Наверное, боялся, что скоро его попросят прислать обратно, а если я не смогу его вернуть, то заберут мой.

Ночью я спал плохо, так как знал, что спичечный коробок и деньги по-прежнему находятся в квартире. Казалось, эти предметы обладали некой силой тяжести, которая путала мои мысли, и я несколько часов проворочался в кровати. Уснул только тогда, когда сдался и перестал бороться с бессонницей.

Мне снилось, что я на дне рождения друга, в его квартире. День рождения реально был, только во сне всё казалось иным. Праздник, кстати,

Аттила Вереш. ВОССТАНАВЛИВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

прошёл неплохо, обычная встреча тех, кому за тридцать, на таких мероприятиях люди как правило больше едят, чем пьют. А если есть интернет или телевизор, то вечеринка перетекает в дискотеку под песни из Ютуба, дискотеки бывают двух типов, но эти типы тесно переплетаются друг с другом: трэш и ностальгия по 90-м.

Помню, мы тогда включили песню 1997 года венгерской джи-фанк группы G-Play под названием «Пускай идет дождь», потому что именно в тот момент во мне зародилась основная идея рассказа, который я позже назвал «Из праха». Во сне, правда, по телевизору шла другая песня — это была песня «Из праха» группы Partytime. Именно с нее начинается действие моего рассказа. Песню я придумал сам, специально для рассказа. Мне не хотелось упоминать группу G-Play, потому что тогда бы мне пришлось писать об их певице, но, естественно, я не хотел прибегать к реальным персонажам в выдуманных историях; зачем втягивать реальных людей в вымышленный сюжет? Поэтому песня из рассказа очень похожа на «Пускай идет дождь», особенно с той точки зрения, что «Из праха» тоже хит 90-х, возникший под влиянием рэпа, и как и «Пускай идет дождь», это хроника реального убийства, а припев исполняет известная певица.

В рассказе идет речь о певице, так как мне показалось интересным, что в оригинальной песне куплеты описывают обстоятельства

«ЯМА С ЗУБАМИ»

